

HAL
open science

Показатель пассива в северо-западных диалектах языка какабе

Alexandra Vydrina

► **To cite this version:**

Alexandra Vydrina. Показатель пассива в северо-западных диалектах языка какабе. Le monde mandé. Pour le cinquantième anniversaire de Valentin Vydrin, 2011. <halshs-01134099>

HAL Id: halshs-01134099

<https://shs.hal.science/halshs-01134099>

Submitted on 22 Mar 2015

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Показатель пассива в северо-западных диалектах языка какабе

Язык какабе — один из самых небольших языков группы манде, входящий в подгруппу моколе. На нем говорят в нескольких десятках деревень на нагорье Фута-Джаллон в Республике Гвинея.

В данной статье рассматривается: 1) соотношение морфологического пассива и различных типов лабильности в северо-западных диалектах какабе; 2) влияние на интерпретацию этих форм таких факторов, как видо-временное значение глагольной конструкции и лексическая семантика глагола; 3) особенности употребления показателя пассива.

0. Пассив и лабильность — два достаточно близких явления, связанных с аргументной структурой глагола и ее преобразованием. При пассивизации происходит удаление первого ядерного участника исходной переходной конструкции или понижение его синтаксического статуса; таким образом, меняется число участников на синтаксическом уровне. Лабильностью называют немаркированную в глаголе вариативность в количестве участников — лабильный глагол может употребляться как переходно, так и непереходно.

Прежде чем перейти к основному изложению, следует сказать о языковом материале, на основании которого производилось данное исследование. Я анализировала употребление пассивного показателя в текстах (в основном, это были сказки), а также на основании базы данных, состоящей из двухсот глаголов. В этой базе данных, полученной путем элицитации, содержится информация об употреблении каждого из глаголов в ряде грамматических контекстов, а также о его сочетаемости с различными глагольными показателями, в частности, с показателем пассива в различных видо-временных конструкциях. На основании этих данных можно судить о взаимодействии лексической семантики глаголов с различными грамматическими показателями.

1. В какабе пассив выражается суффиксом *-ma*. Приведем пример пассивной конструкции какабе:

(1) *Ningéè bati kànkà-ma sù-è tɔ.*
корова.ART PRF красть-PASS ночь-ART в

‘Корова была украдена ночью’.

Стоит отметить, что само наличие морфологического пассива достаточно необычно для языка манде. Нам не известны иные языки этой группы, где имелся бы морфологический показатель пассива. Кроме того, и в самом какабе пассив характерен лишь для части диалектов, а именно, для северо-западных. В другой диалектной группе, которую мы будем называть юго-восточными диалектами, морфологического показателя пассива нет, однако широко распространена лабильность. Помимо декаузативной лабильности, при которой переходное и непереходное употребление

глагола различаются наличием или отсутствием агентивного участника на семантическом уровне (ср.: *dinbi* ‘трясти(сь)’, *dúfèn* ‘убивать / умирать’), в этих диалектах имеется также пассивная лабильность — в этом случае непереходная конструкция на семантическом уровне имеет такое же количество участников, что и переходная, но на синтаксическом уровне агентивный участник не выражен. Вследствие этого в юго-восточных диалектах все переходные глаголы могут употребляться также и непереходно. Подробнее о противопоставлении пассивной и декаузативной лабильности см. в: [Cresseils 2009], [Летучий 2006]; о лабильности в какабе см.: [Выдрина 2009]). Так, в непереходной конструкции, имеющей то же значение, что и пример (1), будет лишь отсутствовать показатель пассива, и, соответственно, глагол *kànka* станет употребляться как непереходный:

- (2) *Ningéè bati kànka sú-è tɔ.*
 коро́ва.ART PRF красть ночь.ART в
 ‘Корова была украдена ночью’.

Интересно, что за пределами семьи манде лабильность данного типа — достаточно редкое явление, однако внутри этой семьи пассивная лабильность вовсе не редка, она представлена, например, в языках джаллонке [Lürke 2007], бамана [Cresseils 2007 & 2009; Vydrine 1997], манинка [Grégoire 1985]; коранко [Kastenholz 1987]; тияяхо [Blecke 1996] и др.

Можно предположить, что показатель пассива возник в северо-западных диалектах какабе под влиянием языка пулар (атлантическая семья), с которым какабе находится в постоянном контакте; в пулар пассив широко распространен. Какабе уже несколько веков живут в окружении фульбе, и все носители языка какабе двуязычны и говорят также и на пулар. В пулар залог выражается кумулятивно с видо-временной семантикой. Показателем пассива в сильном перфекте является суффикс *-aama* (о пассиве в пулар см., в частности, [Коваль, Нялибули 1997: 127–144]), материально он достаточно близок к показателю пассива в какабе, и, возможно, послужил источником заимствования для какабе.

Суффикс *-ma* занимает в глагольной словоформе какабе крайнюю правую позицию — после других возможных суффиксов глагола, например, за второй частью показателя имперфектива или за показателем причастия:

- (3) *Sàndáà bi sáa-la-ma sú-è tɔ le,*
 сказка.ART IPFV рассказывать-IPFV-PASS ночь-ART в FOC
tèléè tɔ maa.
 день.ART в NEG.COP
 ‘Сказки рассказывают ночью, а не днем’.

- (4) *Nègè min bi sáa-len-ma táa tɔ, a ti*
 железо который IPFV лежать-PC.RES-PASS огонь в 3SG PRF
wùlen a ti máa i kó: táa.
 красный 3SG PRF делать 2SG сказать огонь

‘Железо, которое лежало в огне, стало красным как огонь’.

Стоит отметить, что с типологической точки зрения более привычна позиция показателя пассива непосредственно после корня. М. Хаспельмат, в работе, посвященной источникам грамматикализации пассива, рассматривает данные тридцати одного языка с морфологическим пассивом. В его выборке лишь три языка характеризуются аффиксом пассива, стоящим после других глагольных показателей (extrainflectional affix), а положение этого аффикса непосредственно после или перед глагольным корнем зарегистрировано в двадцати пяти языках [Haspelmath 1990: 28–29]. Таким образом, способ выражения пассива, наблюдаемый в какабе, хотя и редок, но все же не уникален.

2. Агентивное дополнение. В пассивной конструкции допустимо выражение агентивного дополнения — оно оформляется именной группой с послелогом *bólo*:

- (5) *Nìngéè bati kiti Séeku bólo.*
 коро́ва.ART PRF завязать Секу к

‘Корова была выращена Секу’.

Хотя при элицитации указанное выражение агентивного дополнения не запрещалось, в речи оно встречается, по-видимому, очень редко. В собранных мною текстах содержится 35 пассивных конструкций, и ни в одной не оказалось выраженного агентивного дополнения.

Помимо оформления агентивного дополнения, послелог *bólo* может также маркировать именную группу, играющую роль адресата, а также передавать локативное значение. Таким образом, в тех случаях, когда именная группа с этим послелогом оказывается после глагола, оформленного показателем пассива, она может кодировать либо агентивное дополнение, либо локализацию или адресата:

- (6) *áwà kòtèè mùrádo-è ba' dín-ma o bólo*
 вот сейчас речь-ART PRF давать-PASS 2PL к

‘Сейчас вам дано слово’.

3. Показатель пассива и переходность. Для образования пассивной конструкции в какабе обязательным является наличие синтаксической переходности, степень же семантической переходности не имеет значения. Об этом свидетельствует то, что пассивизации подвергаются даже те конструкции, где в позиции прямого дополнения находится именная группа, обозначающая длительность совершения действия. В какабе, как и, например, в бамана, возможно продвижение обстоятельства времени в позицию прямого дополнения, таким образом, образуется конструкция, которая синтаксически переходна, но обладает очень низкой степенью семантической переходности и, тем не менее, может стать основой для преобразования в пассивную конструкцию:

(7a) *Séeku bati lér kelen bòri.*
 Секу PRF час один бежать

‘Секу бежал в течение часа’.

(7б) *Ler kelen bati bori-ma (*bori).*
 час один PRF бежать-PASS бежать

‘Бежали в течение часа’.

Иными словами, для того, чтобы быть продвинутым в позицию подлежащего пассивной конструкции, прямое дополнение вовсе не обязательно должно обозначать участника с пациентивными свойствами.

Пассивизации также могут подвергаться каузативные конструкции, например:

(8a) *Séeku bati kinaà-nù la-hólli tàléè là.*
 Секу PRF страший.ART-PL CAUS-рассказывать сказка.ART LOC

‘Секу заставил старика¹ рассказать сказку’.

(8б) *tàléè bati la-hólli-ma kinaà-nù là*
 сказка.ART PRF CAUS-рассказывать-PASS страший.ART-PL LOC

‘Старика заставили рассказать сказку’.

4. Пассив и другие глагольные категории. Показатель пассива, по-видимому, может сочетаться со всеми видо-временными показателями. В следующем разделе будет показано, что при определенном классе глаголов показатель пассива не только возможен, но и обязателен в одних видо-временных контекстах и необязателен в других. Следовательно, видо-временная семантика может оказывать влияние на выражение пассива. Тем не менее, отвлекаясь от конкретных глагольных лексем, можно говорить о сочетаемости показателя пассива с любыми предикативными маркерами.

Не является исключением и показатель неактуального прошедшего — суффикс *-ta*, который сам по себе не нейтрален в отношении переходности, поскольку употребляется только в непереходных конструкциях. Наиболее частотный тип употребления для него — это сочетание с непереходным глаголом, как, например, в следующем примере:

(9) *Súlukè dòn-ta, a k’ a sigi.*
 гиена.ART войти-PST 3SG PRF 3SG садиться

‘Гиена вошла и уселась’.

Что же касается переходных глаголов, то они могут употребляться с суффиксом *-ta* только в сочетании с показателем пассива, например:

¹ В какабе одна из функций показателя множественного числа — обозначение уважительности.

- (10) *A le a dáa-ta-ma sáaye min tɔ*
 3SG FOC 3SG изготовлять-PST-PASS время который в
hári dùgu bele.
 еще земля NEG.IPFV

‘Когда она [птица] была создана, земли еще не было’.

О том, как показатель *-ta* сочетается с лабильными глаголами, см. ниже.
 Показатель пассива сочетается и с номинализированным глаголом, например:

- (11) *Kín-na-ma t' a la-díí.*
 укусить-NMLZ-PASS PRF 3SG CAUS-плакать

‘Он расплакался из-за того, что его укусили’.

При номинализации в какабе, как и в подавляющем большинстве других языков с номинализацией, выражение участников ситуации происходит по эргативной модели. В какабе это выражается в том, что в качестве аргумента номинализованного глагола может выступать только один участник — единственный ядерный участник непереходного глагола или пациентивный участник переходного глагола, например:

- (12) *n bòyi-la jee tɔ* ‘мое падение в воду’,
 (13) *Séeku gbàsi-la* ‘битье Секу’ (Секу — тот, кого бьют).

Таким образом, основная функция показателя пассива, которая заключается в понижении синтаксического статуса исходного подлежащего, оказывается в данном случае нерелевантной. И действительно, показатель пассива очень редко сочетается с номинализацией. В примере (11), приведенном выше, где такое сочетание все-таки наблюдается, при номинализации вообще нет выраженных участников. Можно предположить, что в данном случае показатель пассива служит не для понижения статуса исходного подлежащего, которое при номинализации и так не может выражаться, а для того, чтобы обозначить кореферентность пациентивного участника номинализации и объекта главной клаузы. Ниже приведены аналогичные примеры с показателем пассива при номинализации — с той лишь разницей, что в примере (15) пациентивный участник номинализации кореферентен участнику, выражаемому в главной клаузе не объектом, как в (11), а косвенным дополнением.

- (14) *Fótin-na-ma bati n na-móne.*
 щипать-NMLZ-PASS PRF 1SG CAUS-сердиться
 ‘Я разозлился из-за того, что меня ущипнули’.
- (15) *Kèle-la-ma maa dí jje.*
 ссориться-NMLZ-PASS NEG.PRF нравиться я.для
 ‘Мне не понравилось, что со мной поссорились’.

Опущение показателя пассива в этих контекстах невозможно. В случае же, когда аргумент при номинализации выражен, а кореферентности нет, показатель пассива отсутствует:

- (16) *Músa fāga-la bati n ḡàldíné.*
 Муса умереть-NMLZ PRF 1SG удивлять
 ‘Меня удивило то, что Мусу убили’.

5. Сочетаемость показателя пассива с глаголами различных лексических классов. Показатель пассива не сочетается с непереходными глаголами, иными словами, он выступает именно как показатель пассива, т. е. понижает синтаксический статус исходного подлежащего переходного глагола. Он не сочетается, например, со следующими глаголами: *fáte* ‘кипеть’, *dúfen* ‘гаснуть’, *jéle* ‘смяться’, *bòyi* ‘падать’ и т. д. Показатель пассива может присоединяться к непереходным глаголам только после каузативации, т. е. после того, как он становится переходным, например:

- (17) *Jéè bati la-fáte-ma Fánta bólo.*
 вода-ART PRF CAUS-кипеть-PASS Фанта к
 ‘Вода была вскипячена Фантой’.

Важнейшим противопоставлением, следовательно, оказывается противопоставление, с одной стороны, глаголов, лексически непереходных и не допускающих присоединения показателя, понижающего переходность, и, с другой стороны, переходных глаголов, которые, напротив, способны присоединять показатель пассива.

Однако помимо этих двух классов существует и третий класс глаголов, а именно, лабильные глаголы. Для них характерно то, что они могут употребляться как переходно, так и непереходно без изменения формы; к ним относятся, например, глаголы: *bila* ‘погружать(ся)’, *bintan* ‘гореть / жечь’ *káti* ‘ломать(ся)’ и нек. др. Лабильные глаголы допускают присоединение показателя пассива, и, таким образом, для них возможны два способа образования непереходной формы — немаркированный и маркированный. Эти два типа форм не однозначны, ср.:

- (17) *Lóḡo bólè bati káti (fɔ̀nè là).*
 дерево рука.ART PRF ломать(ся) ветер.ART LOC
 ‘Ветка сломалась (от ветра)’.

- (18) *Lóḡo bólè bati káti-ma (Músa bólo).*
 дерево рука.ART PRF ломать(ся)-PASS Муса к
 ‘Ветка была сломана (Мусой)’.

Наиболее распространенным типом лабильности является декаузативная лабильность. Как и при морфологически маркированной декаузативации переходное и непереходное употребления различаются за счет того, что в первом случае на семантическом уровне имеются два участника, агентивный и пациентивный, а во втором случае, только один — пациентивный, как в примере (17). Семантические особенности данного типа лабильности таковы, что она может охватывать лишь ограниченный класс глаголов. Декаузативной лабильностью обладают только те глаголы, в лексической семантике которых агентивно-ориентированные компоненты не особенно важны, иными словами, это такие глаголы, семантика которых позволяет удаление агентивного участника из числа участников ситуации.

Однако, оказалось, что лабильность в северо-западных диалектах какабе распространена шире и охватывает не только класс глаголов, способных подвергаться

декаузативации. Без показателя пассива в качестве непереходных могут употребляться, например, глаголы, *kára* ‘шить’, *kàran* ‘читать’, *dàmu* ‘есть’, *jànfà* ‘обманывать’, хотя они обозначают ситуации, не представимые без агентивного участника. Возникает вопрос, каково же значение немаркированного непереходного употребления в данном случае.

Одним из таких значений может быть семантика полноты или тщательности выполненного действия, как в следующих примерах:

- (19) *Bàsè bati fǝfi.*
лекарство.ART PRF растирать

‘Лекарство растерто в порошок — тщательно, полностью’.

Данное предложение отличается от соответствующего предложения с показателем пассива *bàsè bati fǝfi-ma* только тем, что в последнем нет дополнительного значения ‘тщательно, полностью’. Приведем еще примеры на данное значение:

- (20) *Sìgaretè bati fime.*
сигарета.ART PRF курить

‘В помещении сильно накурено — много сигарет выкурено’.

- (21) *Kìnè bati dàmú.*
еда-ART PRF есть

‘Все наелись — много еды съедено’.

В моей базе данных, значение полноты или тщательности выполняемого действия в немаркированном непереходном употреблении получают следующие глаголы (помимо тех, которые уже приведены выше):

- gbàngban* ‘чинить’ — ‘быть хорошо починенным’,
gbàsi ‘бить’ — ‘быть сильно побитым’,
kára ‘шить’ — ‘быть хорошо сшитым’,
kàran ‘читать’ — ‘быть хорошо, внимательно прочитанными’,
dáa ‘изготавливать, делать’ — ‘быть хорошо изготовленным’.

У всех перечисленных глаголов значение непереходной немаркированной формы отличается от значения непереходного употребления с показателем пассива наличием дополнительной семы «тщательность выполнения действия».

В рассмотренных выше случаях немаркированное непереходное употребление отличалось по значению от формы соответствующего глагола с показателем пассива. Однако для многих глаголов эта разница неочевидна, ср., например, глагол *hólli* ‘рассказывать’:

- (22) *Tàléè bati hólli / hólli-ma.*
сказка.ART PRF рассказывать рассказывать-PASS

‘Сказка была рассказана’.

Далее приведены те лабильные глаголы из моей базы данных, у которых, как кажется, значение непереходного употребления не отличается от соответствующей пассивной формы глагола: *bóso* ‘сдирать шкуру’, *fàsa* ‘месить шпателем’, *fòyi* ‘сеять’,

kòlo ‘выращивать (детей / животных)’, *hólli* ‘рассказывать’, *hóllite* ‘объявлять’, *húruge* ‘обносить забором / обвязывать’, *húule* ‘прицеливаться в кого-л. / чем-л.’, *jíbine* ‘заставлять беспокоиться’, *júgge* ‘подпирать’, *killi* ‘щекотать’, *kín* ‘укусить’, *kíti* ‘привязывать’, *ébbi* ‘измерять’, *fāamu* ‘понимать’, *màbɔɔ* ‘отодвигать’, *jānfā* ‘обманывать’, *kílli* ‘щекотать’, *kíti* ‘привязывать’, *jàabi* ‘отвечать’.

Две последние из рассмотренных разновидностей лабильности — лабильность с непереходным употреблением, выражающим значение полноты выполненного действия, и лабильность, при которой не обнаруживается семантических различий между немаркированным непереходным употреблением и пассивной формой — очень близки друг к другу. Оттенок значения, который я весьма условно называю «полнота выполняемого действия» и который отличает немаркированное непереходное употребление от пассивной формы, не всегда очевиден. В некоторых случаях трудно с уверенностью утверждать, есть ли этот оттенок значения в семантике непереходной конструкции, или же значение этого предложения полностью совпадает со значением соответствующей пассивной конструкции. Так, например, предложение (19), в принципе, можно перевести и просто как ‘лекарство растерто в порошок’. Кроме того, как будет показано ниже, эти два типа лабильности обладают важными общими формальными свойствами, отличающими их от декаузативной лабильности. В связи с этим далее я буду объединять их под единым термином — «квазипассивная лабильность».

В отличие от декаузативной лабильности, в семантике квазипассивной лабильности, как кажется, не задано никаких ограничений на значение глагольной лексемы. Тем не менее, она не распространяется на все переходные глаголы, как это происходит с пассивной лабильностью. Как уже было сказано, в северо-западных диалектах выделяется обширный класс переходных глаголов, которые могут употребляться непереходно только с показателем пассива. Квазипассивная лабильность северо-западных диалектов существенно отличается от пассивной лабильности, представленной в юго-восточных диалектах какабе, в бамана и в других языках манде. Об одном важном различии уже говорилось: оно заключается в том, что пассивная лабильность — явление не лексическое, а синтаксическое, она не зависит от особенностей лексической семантики глагола, и ею обладает любой синтаксически переходный глагол. Напротив, квазипассивная лабильность ограничена определенной лексической подгруппой глаголов.

Второе различие состоит в том, что квазипассивная лабильность имеет ограниченную сочетаемость с различными видо-временными показателями.

Пассивная лабильность возможна как перфективных, так и в имперфективных контекстах:

(23) *Dàga bati kòo.*
котёл PRF мыть

‘Котел был помыт’.

(24) *Dàga bi kòo-la.*
котёл IPFV мыть-IPFV

‘Котел моют (сейчас)’.

Что же касается квазипассивной лабильности, то она возможна лишь в перфективных контекстах, а в имперфективе требуется показатель пассива:

(25) *Táabalè bati gbàngban.*

стол.ART PRF чинить

‘Стол починен (хорошо починен)’

(26) *Táabalè bi gbàngban-na-ma (*gbàngban-na).*

стол.ART IPFV чинить-IPFV-PASS

‘Стол чинят’.

В рамках системы северо-западных диалектов какабе квазипассивная лабильность противопоставлена по этому же признаку декаузативной лабильности, которая, как и пассивная лабильность юго-восточных диалектов, возможна как в перфективных, так и в имперфективных контекстах:

(27) *Kùta bati fára.*

одежда PRF рваться

‘Одежда порвалась’.

(28) *Kùta bi fára-la.*

одежда IPFV рвать-IPFV

‘Одежда рвется (в данный момент)’.

Итак, на основании приведенных примеров можно сделать предварительный вывод о том, что в перфективной конструкции с *bati* глаголы, для которых характерна квазипассивная лабильность, проявляют те же свойства, что и глаголы с декаузативной лабильностью, а в имперфективной конструкции с *bi ... -la* глаголы с квазипассивной лабильностью ведут себя иным образом, отличающимся от поведения декаузативно-лабильных глаголов; подобно переходным глаголам они требуют в интранзитивной конструкции маркера пассива.

В моей базе данных систематически представлена информация об употреблении глаголов в четырех видо-временных контекстах:

- конструкции с предикативным маркером *bi* и суффиксом *-la* с имперфективной семантикой;
- конструкции с результативным причастием на *-len* в предикативном употреблении;
- конструкции с суффиксом *-ta*, имеющим значение неактуального прошлого;
- конструкции с предикативным маркером *bati*, имеющим перфективную семантику.

Данные четыре контекста распределились на две пары по признаку того, как они влияют на употребление глаголов с квазипассивной лабильностью. В конструкциях с *bati* и с *-len* эти глаголы употребляются непереходно без маркера, т. е. они лабильны, а в конструкциях с *bi ... -la* и с *-ta* они требуют показателя пассива.

Примеры на конструкции с *bati* а также на конструкции с *bi ... -la* приводились выше, проиллюстрируем теперь две другие конструкции.

Конструкции с *-len*: глаголы с квазипассивной лабильностью не требуют маркера пассива при непереходном употреблении:

(29) *Táabalè gbàngban-den.*

стол-ART чинить-PC.RES

‘Стол починен (хорошо починен)’.

Они ведут себя подобно декаузативно-лабильным глаголам, ср.: *waata fonti-len* ‘Циновка расстелена’.

Конструкция с *-ta*: глаголы с квазипассивной лабильностью требуют маркера пассива:

(30) *Níngéè kíti-ta-ma (*kíti-ta) lógè là.*

корова.ART привязывать-PST-PASS привязывать-PASS дерево.ART LOC

‘Корова была привязана к дереву’.

Декаузативно-лабильные глаголы могут употребляться с суффиксом *-ta* и без показателя пассива, ср.: *kùta fára-ta* ‘Одежда порвалась’. Присоединение показателя пассива также возможно, в этом случае конструкция получает пассивное прочтение: *kùta fára-ta-ma* ‘одежда была порвана’.

То, что контексты с *bati* и с *-len* проявляют сходные свойства, очевидным образом связано с общностью их семантики — они оба выражают перфективное значение. В случае с конструкциями с *bi ... -la* и с *-ta* характер связи менее очевиден. Вероятно, общим для них является то, что они оба имеют не перфективную семантику и используются для обозначения действия, которое не имеет результирующего состояния, актуального для момента речи. Конструкции с *bi ... -la* обозначают действие, разворачивающееся в настоящем, а конструкции с *-ta* — как правило, действие, которое произошло давно, и его результат уже отменен или неактуален. Значение неактуальности действия есть как в конструкциях с показателем пассива, так и без него:

(31) *Káalisè fátan-ta-ma (*fatan-ta).*

деньги-ART разделять-PST-PASS

‘Деньги тогда разделили (эти деньги с тех пор, возможно, уже потратили)’.

(32) *Jéè fáte-ta.*

‘вода кипела (сейчас она может быть уже холодной)’

(33) *Déndè fálgite-ta-ma (*fálgite-ta).*

ребёнок.DIM.ART исправлять-PST-PASS

‘Ребенка исправляли (но это не значит, что в результате этого он научился и перестал делать ошибки)’.

(34) *Bópnè fítan-ta-ma (*fítan-ta).*

дом.ART подметать-PST-PASS

‘Дом подметали (сейчас он уже, возможно, снова грязный)’.

Форма на *-ta* контрастирует с причастием на *-len*, имеющим значение актуального результата: *bónè fítan-den* ‘дом подметен (\Rightarrow он сейчас чистый)’ *jéè fâte-len* ‘вода кипяченая (\Rightarrow сейчас она горячая)’. Что касается предикативного маркера *bati*, то в его семантику также входит значение актуальности совершенного действия для момента речи, хотя этот аспект менее отчетлив, чем у результативного причастия. Таким образом, контексты с *bati* и с *-len* противопоставлены контекстам с *bi ... -la* и с *-ta* как конструкции со значением перфективности.

В связи со сказанным выше можно сделать предположение, что квазипассивная лабильность в северо-западных диалектах какабе — это определенный тип пассивно-стативной лабильности. С этим хорошо согласуется тот факт, что одна из ее разновидностей — та, при которой непереходное употребление имеет значение полноты выполненного действия — обладает семантикой, напрямую связанной с результативностью.

В целом, в северо-западных диалектах какабе все глаголы можно разделить на четыре класса по признаку того, в какой форме они употребляются непереходно в различных видо-временных контекстах — в исходной или же в производной форме, т. е. с показателем пассива. Это разделение глагольной лексики представлено в виде таблицы, приведенной ниже. По горизонтали приведены четыре видо-временных контекста из базы данных, вертикально — четыре класса глаголов. Наличие символа \emptyset в ячейке обозначает, что глагол употребляется непереходно в исходной форме, наличие суффикса *-ma* — показывает, что глагол может употребляться непереходно с показателем пассива.

Тип оформления глаголов разных классов в непереходных конструкциях

	непереходные глаголы	декаузативно лабильные глаголы	глаголы с квази-пассивной лабильностью	переходные глаголы
<i>bati</i>	\emptyset	\emptyset / -ma	\emptyset / -ma	-ma
<i>-len</i>	\emptyset	\emptyset / -ma	\emptyset / -ma	-ma
<i>bi ... -la</i>	\emptyset	\emptyset / -ma	-ma	-ma
<i>-ta</i>	\emptyset	\emptyset / -ma	-ma	-ma

Итак, мы видим, что непереходные глаголы ни в одном из контекстов не сочетаются с показателем пассива. Для двух типов лабильных глаголов через косую черту представлены \emptyset / -ma — это свидетельствует о том, что они могут употребляться непереходно без показателя пассива, но могут быть употреблены и переходно, в этом случае переходное употребление образуется от непереходного путем пассивизации. При этом у декаузативных глаголов эти две возможности существуют во всех четырех контекстах, а у глаголов с квазипассивной лабильностью — только в двух перфективных контекстах. Наконец, переходные глаголы во всех контекстах должны присоединять показатель пассива, чтобы употребляться непереходно.

Выводы

В северо-западных диалектах представлен показатель пассива *-ma*. Он достаточно продуктивен, так что пассивизации могут подвергаться все виды переходных конструкций. Однако показатель пассива не сочетается с непереходными глаголами. Суффикс *-ma* обнаруживает любопытное взаимодействие с лабильностью, которая

также представлена в северо-западных диалектах какабе. В этих диалектах есть декаузативная лабильность, и благодаря ей глаголы могут употребляться непереходно как в исходной форме, так и с показателем пассива (при этом они получают разное значение). Однако оказалось, что класс лабильных глаголов в северо-западных диалектах какабе шире, чем класс глаголов, способных по своей лексической семантике подвергаться декаузативации. Выделяется также класс глаголов с квазипассивной лабильностью, при которой непереходное немаркированное употребление очень близко по семантике к пассивной форме, но в отличие от последней имеет стивный или результативный оттенок значения. По этой причине такая лабильность возможна только в перфективных контекстах.

Список сокращений:

ART — референциальный артикль; CAUS — каузатив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — поссессивная связка; PC.RES — результативное причастие, PST — неактуальное прошедшее, PRF — перфект; REFL — рефлексив; SG — единственное число

Литература

- Коваль А.И., Нялибули Б.А. 1997. *Глагол фула в типологическом освещении*. М.
- Летучий А.Б. 2006. *Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. РГГУ, М.*
- Blecke, Thomas. 1996. *Lexikalische Kategorien und grammatische Strukturen im Tigemaxo*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Creissels, Denis. 2007. *A sketch of Bambara argument structure*. Paper presented at the workshop Grammar and processing of verbal arguments . University of Leipzig.
- Creissels, Denis. 2009. *P-lability and radical P-alignment*. Paper presented at the workshop “Typology of labile verbs: Focus on Diachrony”. Aristotle University of Thessalokini.
- Haspelmath, Martin. 1990. The Grammaticization of Passive Morphology // *Studies in Language* 14:1, 25–72.
- Kastenholz, Raimund. 1987. *Das Koranko. Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mande-Sprachen*. Dissertation. Köln: Mundus.
- Lüpke, Friederike. 2007. Vanishing voice — the morphologically zero-coded passive of Jalonke // *Linguistische Berichte, Sonderheft 14*. 173–191.
- Gregoire, Claire. 1976. L’expression du passif en maninka. // *African linguistics*. 189–208. LANGUAGES: Malinke.
- Vydrine, Valentin. 1994. Verbes réfléchis bambara. Première partie (pronoms réfléchies, groupement sémantico-syntaxiques des verbes non-réfléchies) // *Mandenkan*, 28.